

Текст книги Андрея Григорьевича Румянцева «Валентин Распутин» в серии «ЖЗЛ» попал ко мне случайно. Ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу и в «Молодой гвардии» готовились отдать текст в верстку — спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остается загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все ее недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в еще более далеком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли миллион поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич, как автор, имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он все-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Все это время я надеялся, что найдется в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошел уже почти год с момента ее выхода в свет, а никакого откровенного, без лишней вежливости, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца, В. Г. Распутина, писателем.

На мой взгляд, книга слабая, поверхностная и вызывает разочарование. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. 65% всего текста, т.е. добрые две трети, занимают слова писателя — цитаты из его произведений, выступлений и писем, а также мысли и воспоминания о нем других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а с помощью линейки.

Встречаются главы, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, глава «Деревня не даст тебе пропаньз» с неоправданно длинной цитатой из «Уроков французского», занимающей три

страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая глава «Навыки журналистские и семейные», где автор зачем-то приводит целиком рассказ «Мама куда-то ушла». Обратите также внимание на главу 10 о произведении «Прощание с Матерой». В первой главе кое-где еще попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главу «Удерживать в себе человека» длиной в 3,5 страницы: автор написал две строчки в начале и 16 строк в середине главы. Все остальное — слова писателя из «Прощания с Матерой». И в следующей главе «Мы — не последние!» из 5,5 страницы пять — это цитаты из «Матеры». Или прочитайте главу «На фоне двух литератур»: вся (!) глава длиной в 4,5 страницы — беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминой. А следующая глава «Сеющие бурю» тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникать ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмем для примера последний абзац в главе «Обомлел от вошедшей в меня красоты» о детстве писателя. Привожу его полностью:

«А великое множество историй, услышанных в вчерней полугемной избе с ватагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на теплом полу у вихрастого дружка! Тут запоминались даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочиненные бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шепот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты».

Он сочинен автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на 70% состоит эта глава и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно,

автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главе «Где живет кикимора». Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами, говорит сам писатель:

«В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да “ужасти”, которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаенными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за “правдашние”, такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!»

В главе «Где живет кикимора» сразу обращает на себя внимание второе предложение: «В ранних проблемках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одетыми, как и он, в драные, латаные обноски». Нелогично. Простите, как можно назвать «свалившимися бедами» частое недоедание или вялые игры? Да и как может быть вялой детская игра?! А «драные, латаные обноски», в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. И наконец, почему писателю могли запомниться только беды? И глагол «могли» тоже настораживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле совсем не «свалившиеся» невесть откуда беды остались в «ранних проблемках памяти» писателя. Помните, как он сам пишет в очерке «Откуда есть пошли мои книги»: «Первые мои впечатления связаны с Ангарой»? А если бы автор нашел время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своем детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли свое отражение в предисловии к сборнику рассказов «Видение» под названием «В тех глубинах по ходу жизни».

А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я — хоть убей — не произносил):

«Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шесть-*

десять шестого, наверно, повесть “Деньги для Марии”. А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, бывал выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. *Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живем в новой. Новая казалась большой. Друзей у меня там было много. Бежали по поселку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес — он темнел поблизости...»*

Какие сараи? Какой лес? И как я мог в возрасте 5 лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать «Деньги для Марии»? Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом о выборе профессии, который был нужен автору для главки «Дети писателя: «Мы выбираем путь...». Помню, как в тексте рукописи все было красным-красно от моих поправок с требованиями удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не считал нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тетей, младшей сестрой отца, Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно неинтересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом. Сначала он создавал в своем воображении красивую картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый — довольно забавный. В главе «Колодец земли» еще в рукописи я наткнулся на следующие слова:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таежные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина

Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я сделал поправку: «В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нем когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой». Не думаю, что автор всерьез полагал, что «домик Валентина Григорьевича приютила» именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в порту Байкал есть такая падь, и ему позарез захотелось провести линию от нее к девичьей фамилии жены писателя. А уточнять, где именно находится домик писателя, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторюсь, незапланированного вмешательства:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади – вклинившиеся в таежные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей Молчановская. Не очень далеко от нее и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я опять пишу: «Не так уж и недалеко: километра четыре топтать от нашего дома». Но автор мою ремарку оставил уже без внимания. Мне кажется, что если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в порту Байкал, автор все равно как-нибудь вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберем подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная главка, где как нарочно собрались такие серьезные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Главка называется «В имени слышится: Русь...» и посвящена моей сестре, точнее ее детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в ее имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д'Арк слышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: «В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали ее Машей, но с первых же дней все родственники стали звать ее по старой русской (а точнее – деревенской) традиции Марусей. Валентин был счаст-

лив. Еще с рождения сына Сережи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребенком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний». Обратите внимание, как после первых трех предложений, посвященных рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухитряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной легкостью прибегает к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное. И следующий мой абзац – еще одно тому доказательство.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

«Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдет в школу, то позвонит мне: “Какие у вас заботы, чем помочь?” Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили “классные часы”, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком».

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и «тех авторов, которых он отличал, ценил». Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе № 17. По ее словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на «классные часы», но не более того. Про «первого помощника во всех внеклассных начинаниях» даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тети (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта главка на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить ее, он решил,

как говорится, «до кучи» добавить еще пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идет совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главку «В имени слышится: Русь...», точнее резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл ее пафосного названия.

Позвольте мне остановиться еще на одном символическом примере, показывающем, как автор в своей книге относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. Речь идет о Б. Дмитриеве. Фотограф не раз упоминается в книге А. Г. Румянцева и даже делится своими воспоминаниями о писателе. Когда читаешь их, возникает ощущение, будто Б. Дмитриев был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был – до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье «Все беды – от наших заблуждений» В. А. Семенова. Суть его в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу «Сибирь, Сибирь...» 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награжден не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил, что если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Затем он позвонил писателю и сообщил ему эту новость. Как мне известно, отец сначала оторопел от такой наглости, однако принял решение отдать фотографу половину премии (500 000 руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. «Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился», пишет Валентина Андреевна. Я почти уверен, что Дмитриев, зная отца, на это и рассчитывал, когда звонил ему. Очевидно, он отдавал себе отчет, что в случае суда шансов у него никаких. Отец же, идя на такой «естественный» шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавиться себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство брезгливости.

С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться – конечно, с большим натягом – порядочным человеком, натянув на себя маску «борца за справедли-

вость», ищущего «правду» в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но дело не в Дмитриеве. Дело в книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору рассказать всю правду. Сказал «А», упомянув фотографа в своей книге, так скажи и «Б». Но автор предпочел этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И еще: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его «друга».

Все вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, художник и философ, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как ученый, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, переварить ее, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьезном исследовании такого рода автор обычно старается избегать делать однозначные выводы. Он ненавязчиво вовлекает читателя в мыслительный процесс, дает тому толчок для раздумий и возможность самому принять окончательное решение. В конечном счете, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нем современникам и потомкам.

Автор же книги «Валентин Распутин» выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берет за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает предоставлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате в общежитии, автор охотнее цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупо.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьезное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, расставляя биографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику творчества объекта исследования, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашел бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нем известных личностей. 5. Собрал бы все это вместе, как конструктор, и – реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы еще далеко.

Упрощаю? В любом случае такая аналогия напрашивается неслучайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с нею в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива еще при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений, его статьи и очерки об этих выдающихся личностях в книге «В поисках берега»? А вместо главы 14 «Что в имени твоём, Сибирь?» просто взять само произведение «Сибирь, Сибирь...»? Вместо главы 16 «Смысл давнего прошлого» найти опубликованные в ежемесячной газете «Литературный Иркутск» замечательные эссе «Из глубин в глубины» к 1000-летию Крещения Руси и «Ближний свет издалека» о Сергии Радонежском? Вместо главок «Жупель: один, два, три...», «Зажги свечу – растает тьма» и «Жрецы «новой» культуры» купить книгу «Эти 20 убийственных лет. Беседы с Кожемяко»?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвященные повестям «Деньги для Марии», «Последний срок», «Вверх и вниз по течению», «Живи и помни», «Прощание с Матерой» (о «Матере» я уже говорил выше), «Пожар»? И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьезной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) «ЖЗЛ», проскакать галопом, как по Европам, по основным произведениям писателя, надергав оттуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные критики не сказали свое слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Есть в книге удачные, с моей точки зрения, места. Например, заслуживают внимания главки, посвященные отношениям Астафьева и Распутина в 90-е годы. Безу-

ловно, интересны воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нем актер Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, рассказанная еще в начале книги, о том, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Большой интерес вызывает интервью, которое Распутин дал журналисту «Литературной газеты», о том, как он создает свои повести и рассказы. Но опять же: стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи, письма и интервью, и ценность большинства главок, где центральное место занимают цитаты, упадет.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в «МГ» не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определенной финишной дате, а главный редактор поставил бы перед автором вопрос ребром, обозначив четкие требования к тексту, и дал ему еще год, она могла бы получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого, по большому счету, и пишутся книги. Что же касается информационного повода – чем хуже 80-летие писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

И все же нельзя не признать, что в целом работа проделана немалая, и, несмотря на имеющиеся недостатки, которые нам, близким родственникам, заметны больше, чем кому-либо, книга А. Г. Румянцева может быть полезна и интересна определенному кругу неискушенных читателей. Здесь есть и биография с фактами из жизни, и пересказ самых известных работ писателя с комментариями, и другая информация. У меня также почти не вызывает сомнений искренность автора. Когда читаешь его размышления (не стоит забывать, что одна треть всего текста – слова автора), создается впечатление, что он это говорит от всего сердца, разделяя с писателем боль и тревогу за страну, особенно в 90-е годы, за Байкал, за духовное состояние человека перед лицом наступающей «цивилизации». И хочется надеяться, что после знакомства с книгой «Валентин Распутин» у многих возникнет желание прочитать или перечитать то или иное произведение писателя. А это самое главное. ■